

ЗАЙМКА КРЕСТЬЯН- СТАРООБРЯДЦЕВ ЮГ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (середина XIX в. — 30-е годы XX в.)

Вера Васильевна КОБКО, зав. сектором хранения отдела фондов Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева. Область научных интересов — история, духовная и материальная культура старообрядческого населения Приморья.

Крестьянская колонизация Дальнего Востока начинается с середины прошлого столетия. В деле окончательного закрепления за Россией присоединенных окраин земледельческая колонизация стала важнейшим фактором государственной политики. После явно неудавшихся попыток заселения в принудительном порядке (казаками, солдатами, частично крестьянами) правительство все более склоняется к мысли о добровольном заселении Приамурья и Приморья. Предпочтение отдавалось переселению крестьян-старообрядцев, тем более, что хорошо был известен опыт Западной и Восточной Сибири: «...переселенцы из старообрядцев должны быть признаны наиболее пригодным элементом (трудолюбие, неприхотливость быта, преданность исконным началам русской народности). Есть основания считать, что старообрядцы явятся надежнейшим оплотом русской государственности на Восточной окраине империи» (РГИА ДВ, оп.1, д.517, л.46). С конца 50-х годов XIX в. начинается переселение старообрядцев на Дальний Восток, который был привлекателен для них прежде всего большей религиозной свободой: «... не было миссионеров, никто не тащил их насильно в свой рай, полиции за громадностью расстояний не представлялось возможным дотянуться до них»¹. Поиск мифической, свободной от зла земли — Беловодья, расположенной, согласно картам-маршрутам, где-то на островах Тихого океана, теперь с присоединением Приамурья и Приморья получает новую, мощную подпитку. Большое количество незанятой земли, свобода в выборе мест поселения также создавали благоприятные условия для старообрядческой колонизации.

Заселение старообрядцами юга Дальнего Востока начинается с Приханкайской долины, затем распространяется по Уссури, Улахе, Даубихе, долинам рек, впадающих в Японское море. Заселение северного побережья в силу объективных причин (труднодоступность, бездорожье) начинается лишь с начала XX в. Одними из первых в Приморье появляются старообрядцы-семейские из Забайкалья. В новых местах они пользовались всеми льготами, предусмотренными Правилами от 26 марта 1861 г.: получение 100-десятинного надела на землю, освобождение от рекрутчины на 25 лет и т.д. В начальном периоде землеотводные работы, как правило, не производились, и крестьяне сами определяли выбор того или иного участка. Таким образом устанавливалось право первого. Захватывались в основном земли, пригодные для пашни, в северных районах. Таким объектом являлся лес. В поисках новых земель крестьяне уходили от основных поселений на расстояние от 3—5 до 20—25 верст. На

облюбованном месте устраивался временный приют (фанза, полуземлянка) для жилья во время работ, связанных с посевом или уборкой урожая. Если участок находился далеко — строили избу, чтобы можно было жить там постоянно. Такие участки назывались заимками.

Итак, в начальном периоде заселения термин «заимка» включал в себя несколько понятий и обозначал совокупность земли, состоящей в чем-то пользовании, с постройками для сезонного проживания на этой земле. В конце XIX — начале XX в. с уменьшением количества свободных земель заимочный способ ее приобретения почти исчерпывает себя, сам же термин продолжает использоваться, но уже с несколько иным значением: любые жилые постройки для постоянного или сезонного проживания. К числу таких поселений можно отнести и хутора, которые наибольшее распространение получили, на наш взгляд, в Ольгинском уезде Приморской области, хозяйственное освоение которого старообрядцами началось, как уже отмечалось, лишь с начала XX в.

Внимание к заимке, заимочному хозяйству как специальному предмету исследования уже уделялось в работах историков, этнографов². Нам представляется интересным на дальневосточном материале рассмотреть условия возникновения, бытования, особенности заимочных хозяйств крестьян-старообрядцев, выявить их роль в крестьянской колонизации юга Дальнего Востока.

Как уже было отмечено, в условиях экстенсивного способа ведения хозяйства и при наличии свободных земель вокруг постоянных поселений быстро начинают появляться многочисленные заимки.

Для постоянных населенных пунктов (деревня, село) характерна уже сложившаяся система отношений, взаимосвязей населения с природной средой. В отличие от них сезонные поселения (заимки, хутора) позволяли наиболее полно использовать природные богатства и расширять зону расселения³. В условиях колонизации Дальнего Востока заимки явились оптимальным вариантом русских поселений, т.к. при еще не сложившемся комплексе взаимоотношений между населением и природной средой появилась возможность — хозяйственного эксперимента в новых условиях. С течением времени на месте заимки могли появиться малодворная деревня, село. Процесс их создания на юге Дальнего Востока проходил довольно быстро. Так, по сведениям В.К. Арсеньева, в 1907 г. он застал «на р. Амагу 18 дворов — 44 человека, р. Кузнецова — 4 двора, 17 человек...»⁴

В конце 20-х годов XX в. здесь были уже крупные поселки, насчитывавшие более сотни дворов.

Внутренние миграции старообрядцев способствовали созданию новых поселений из небольших заимок, хуторов. Переселенческое управление было весьма заинтересовано в скорейшем освоении и заселении края. Умело играя на религиозных чувствах, обычаях старообрядцев, оно использовало их при выполнении этой задачи. Г. Михайлов отмечал, что управление переселяло в уже существующие старообрядческие деревни, менее приспособленные для проживания в таежных районах, малороссов. Такого соседства старообрядцы, как правило, не выносили и уходили дальше в тайгу. Как только появлялось новое село, туда вновь подсаляли малороссов. Таким образом, старообрядчество невольно играло роль пионеров колонизации, может быть, почетную, но беспокойную и разорительную⁵.

Заимки, хутора появлялись также и вследствие разделения больших крестьянских семей. Так, молодые семьи Лямзиных, Иродовых, Мокроусовых отделились от родителей и переселились в хутор Котеловку (позднее с.Котельниково) в 10 км от с.Перетычихи (Полевой дневник ПГОМ №12/1996 г., стр.26).

Зачастую основатели заимки рассматривали участок как собственность, приравнивая его к подворно-наследственной форме пользования. Даже подселения единоверцев происходили не всегда гладко. По воспоминаниям Е.И. Малютина (Полевой дневник ПГОМ №12/1996 г., с.25—26), их семья уехала из Кокшаровки в 1924 г. и попыталась подселиться в с.Перетычиху, где в то время жили 3 семьи Басаргиных. Старики Басаргины наотрез отказались при-

нять Малютиных, и только после подношений, земных поклонов и совместной молитвы разрешение было получено с указанием конкретного места, где новая семья могла начать строительство дома. Только с началом коллективизации и с уходом Басаргиных в Китай новые семьи старообрядцев стали селиться в Перетычихе свободно.

На юге Дальнего Востока помимо захватного способа был распространен арендный способ приобретения участка. «Между крестьянами старообрядцами практикуется еще и такой способ: некоторые семьи, владея большой площадью земельных угодий, используя таковые, временно передают ее в арендное содержание новоселам-переселенцам, а сами пускаются в поиски за новыми землями; когда таковые найдены — крестьяне эти быстро снимаются с прежних мест и перекочевывают на новые участки...» (РГИА ДВ, ф.702, оп.1, д.1193, л.73). В отличие от европейской части России в начальном периоде заселения дальневосточные старожилы имели возможность сдавать свои земли в аренду. В Южно-Уссурийском крае по рекам Иман, Улахе, Даубихе, на побережье Японского моря на многих участках жили оседлые китайцы, корейцы, занимавшиеся земледельческим трудом. С началом крестьянской колонизации желтое население вынуждено было уступить уже обработанные участки новоселам и позднее арендовать их. Это было выгодно: хозяин снабжал арендатора семенами, животными (быки, лошади), орудиями труда. Работу по выращиванию урожая выполнял арендатор. Чистый урожай, за вычетом семян, делился пополам. В северных районах корейцам иногда отдавали землю в аренду на 2 года за раскорчевку участка. По воспоминаниям И.Е. Фефелова, почти на каждой старообрядческой заимке, усадьбе находилась фанза арендатора.

Правилами от 26 марта 1861 г. предусматривалась возможность приобретения земель в частную собственность по 3 руб. за десятину. При господствующей общинной форме землепользования количество частных хозяйств в Приморской области было невелико. В нашем распоряжении имеется архивный документ — «Описание частновладельческого хозяйства Терентия Калугина», достаточно полно отразившего различные проблемы, особенности заимочного хозяйства на юге Дальнего Востока.

Документ датирован 1910 г. Сведения о самом владельце заимки очень скудны, даже неизвестно его отчество. За время полевой работы, работы с архивными материалами нами выявлено более 40 Калугиных, проживавших с середины XIX в. по конец 30-х годов XX в. в Южно-Уссурийском крае. Кто же из них был владельцем заимки? Можно предположить, что это — Терентий Афанасьевич Калугин, родом из Самарской губ. Некоторое время он жил на Ханке, затем перебрался на Даубихе. В одной из работ В.К. Арсеньева есть фотография Калугина с надписью «старовер-энтомолог из Анучина»⁶. По рассказам наших информаторов (Полевой дневник ПГОМ №7/1993 г., с.14—15), Терентий Афанасьевич был человеком талантливым. Он серьезно занимался энтомологией, собирал коллекции бабочек, вероятно и для М.И. Янковского, первым из дальневосточных старообрядцев в начале XX в. побывал в Америке.

Документ содержит ценнейшую информацию для исследователей, поэтому считаю необходимым познакомить с ним читателя.

1. Название хозяйства, волость, год и условия приобретения.
Заимка Калугина. Сысоевская волость, 1895 г. Приобретено за 3 руб. за десятину.
2. Расстояние до ближайшего города.
Никольска—108 верст, железнодорожной станции Ипполитова — 75 верст.
Рынок для сбыта — урочище Анучино в 5 верстах.
3. Площадь в десятинах.
Пашни 15 десятин.
Сенокосов—6 десятин
Выгона—
Леса—
Неудобной земли — 10 десятин.

- Описание качеств каждого вида угодий с указанием возможности и выгоды обращения той или иной площади, одного вида угодий в другой.
- Пашня удобная, но ежегодно страдает от наводнений.
4. Сеется на десятину пшеницы, ярицы, гречихи, бобов, картофеля, чумизы — пудов: 10 п, 10 п, 7 п, 5 п, 15 п, 6 п. Снимается от 50—70 п, 50—70 п, 70 п, 60 п, до 600 п, 60 п.
  5. Имя и фамилия собственника, его национальность, звание, занятие, место жительства, состав семьи.
Терентий Калугин, русский, крестьянин. Хлебопашество, пчеловодство, д.Виноградовка, Ивановской вол., семья — 5 мужчин, 7 женщин.
  6. Способ ведения хозяйства (сдача в аренду, наемные рабочие, личный труд), степень участия в нем желтого труда.
Часть сдается в аренду корейцам, а часть обрабатывается личным трудом.
  7. Количество затраченного по подсчету собственника капитала с указанием времени (единовременно, при приступе к хозяйству, или же постепенно с течением ряда лет).
Подсчета никакого не велось, и он затрудняется указать сумму такового.
  8. Наличие построек (приблизительно площадь пола жилых строений и холодных. Стоимость тех и других).
На заимке имеются только фанзы арендатора.
Наличность инвентаря, живого и мертвого. Стоимость его (подробно перечислить количество лошадей, рогатого скота, отметить сравнительные качества мелкого скота, птицы, пчел с оценкой по роду инвентаря, затем количество сельскохозяйственных орудий, телег с оценкой по роду их.
  9. Зерновое хозяйство: стоимость обработки казенной десятины (вспашка, посев, бороньба, полка, уборка, жатва, вязка, возка, молотьба, доставка до места сбыта).
Вспашка — 8 руб., посев — 3 руб., бороньба — 3 руб., жатва и вязка — 8 руб., возка — 3 руб., молотьба — 4 руб., доставка до Анучина — 4 руб.
  10. Средняя урожайность хлеба.
Пшеницы и ярицы — 50 пудов.
  11. Учет денежной доходности зернового хозяйства.
Не ведется
  12. Средняя урожайность сенокосов по разрядам (степные, луговые, мокрые).
Учет доходности сенокосов.
С десятины мокрого сенокоса получает в среднем по 40 копен или 200 пудов, в продажу не поступает, а идет на корм своего скота.
  13. Учет доходности скотоводства (количество и цены продаваемого приплода, молочных продуктов).
Продажа скота очень редка и в хозяйстве не играет роли. Молочные продукты ввиду отдаленности от города сбыта не имеют.
  14. Учет доходности других видов хозяйства (огородничество, птицеводство, пчеловодство).
Доходность от огородничества до 100 руб. в год, от птицеводства до 40 руб., от пчеловодства от 200 до 400 руб. в год.
  15. Какая мелиорация проведена в хозяйстве.
  16. Какое имеет значение для ближайшего населения и края описываемое хозяйство.
Для ближайшего населения дает небольшой заработок во время полевых работ, а для края значения особенного не имеет.
  17. Каковы нужды хозяйства и способ удовлетворения этих нужд, возможность обойтись без желтого труда, нужны ли артели русских рабочих и как их организовать.
Особенных нужд не имеется, а было бы весьма желательно найти рынки сбыта меда, т.к. благодаря отдаленности от центра продукты пчеловодства весьма дешевы.
  18. Какие налоги уплачивает собственник, и в каком размере?
Ежегодно по 20 коп. с десятины.

Примечание: Владелец Калугин на собственности не живет и, как сказано в п.8, построек, кроме фанзы, не имеет, а живет от собственности верстах в 4-х на участке, отведенном на правах переселенца, где имеется: 2 дома, сарай, 2 амбара, омшаник общей стоимостью всей постройки до 500 руб. (ввиду ветхости), мельница водяная — 1500 руб., жнея — 180 руб., плуг — 2 шт. — 80 руб., веялок — 2—100 руб., борон — 3 шт. — 10 руб., телег — 2 шт. — 80 руб., пчел — 300 ульев — 120 руб., лошадь рабочая — 6 шт. — 600 руб., коров — 10 шт. — 1000 руб. (РГИА ДВ, ф.702, оп.5, д.235, л.3—4).

На карте Южно-Уссурийского края 1905 г. обозначена еще одна «заимка Калугиных». Она расположена в верстах 8—10 от старообрядческого с.Красный Яр Суйфунской вол. В архиве г. Хабаровска нам удалось получить информацию и об этой заимке. Хозяевами ее были Иван Михайлович Калугин, 30 лет, и его брат Григорий Михайлович, 29 лет, уроженцы Томской губ. Вместе с ними на заимке проживали их семьи. Всего 18 мужчин и 10 женщин (ГАХК, ф. И-210, оп.1, д.1). Дополнительную информацию о заимке Калугиных дали «Статистические сведения о раскольниках, проживающих в Никольско-Уссурийском уезде на 1903 г.». Согласно этому документу, «старообрядцы проживают в частных домах, лишь 1 заимка — под Красным Яром. Кладбищ старообрядческих в уезде 7, одно из них на заимке Калугиных, в 8 верстах от Красного Яра» (РГИА ДВ, ф.1, оп.5, д.1497, л.16—17).

В одной из работ Н.А. Крюкова мы встречаем упоминание еще об одном Калугине (снова без указания имени и отчества), который купил в собственность 300 десятин на полуострове, вдающемся в оз.Ханка. В статистическом отчете за 1893 г. о крупных землевладельцах Южно-Уссурийского края помимо Ф.К. Гека, М.И. Янковского, А.Д. Старцева указан крестьянин Калугин, имеющий 200 десятин у оз. Ханка (РГИА ДВ, ф.1, оп.1, д.1379, л.233). Н.А. Крюков, к сожалению, очень скупо рассказывает о владении Калугина, подробнее останавливаясь лишь на хозяйственной ориентации: «Здесь прекрасные пастбища, обилие воды, легко охранять животных от сибирской язвы. Крестьянин Калугин имеет возможность пасти своих лошадей и брать от других, и крестьяне с.Астраханки отдают лашадей на лето по 1 руб. 50 коп. с головы»⁷.

Хозяйственной ориентации заимок, хуторов, без сомнения, способствовали природные условия. Так, в Приханкайской низменности заимки старообрядцев имели в основном земледельческое направление. В таежной зоне хороший доход приносило пасечное хозяйство. Так, хозяйство Юрковых (Чугуевская волость) было ориентировано на пчеловодство и охоту. Денег на житье хватало, даже не сеяли (Полевой дневник ПГОМ, №8/1993, с.20). Пчеловодство было одним из самых перспективных направлений в Южно-Уссурийском крае. К сожалению, нам неизвестна точная информация о времени появления в крестьянских старообрядческих хозяйствах пасек. По сведениям наших информаторов, крестьяне пользовались медом диких пчел. Архивные же документы говорят о том, что датой зарождения пчеловодства в Южно-Уссурийском крае можно назвать 1890 г., когда крестьянину Варавве удалось привезти из России 6 ульев. В 1893 г. в Верхне-Уссурийском участке Ивановской волости у знакомого уже нам Терентия Калугина было 42 улья, у Никиты Калугина — 100 ульев, Логина Калугина — 8 ульев. На Суйфунском участке с.Красный Яр у Федора Калугина — 34 улья (РГИА ДВ, ф.1, оп.1, д.1379, л.225—226). В 1910 г., как мы знаем, у Терентия Калугина было уже 300 ульев, которые приносили основной доход семье до 400 руб. Особенно успешно пчеловодство развивалось в таежных районах, на северном побережье. Ульи были почти в каждом хозяйстве от 4—5 до 100 и более. Получали от продажи меда до 900 руб. в год.

На побережье Японского моря немало было заимок, хуторов рыболовецкого направления, так называемых «рыбалок». Рыболовецкие заимки — особая группа заимок, не связанная непосредственно с крестьянским хозяйством. По воспоминаниям А.П. Калугиной, семья ее свекра Игнатия Никитича Калу-

гина пришла по р.Колумбе на шаланде в 1907 г. Там уже стояло 3 дома и жили 3 семьи: ороча Синдига, Пермяковых, Тепловых. К нач. 30-х годов на этом месте проживали уже около 10 семей, которые в основном занимались рыбным промыслом: ставили сети на акулу, топили жир, увозили в б.Конде на базу для продажи. На хуторе Шарыповых (северное побережье) хозяйство было многоотраслевое: сеяли рожь, гречиху, была хорошая пасека, водяная мельница. Мимо домов проходили 2 реки — Лондо и Беамо, при слиянии их образовывался водоем, богатый рыбой. Рыбу ловили, продавали, получали хорошие деньги. (Полевой дневник ПГОМ №7/1993, с.5—6).

Одним из крупнейших крестьянских старообрядческих хуторов на побережье Японского моря был хутор Новосионский, основанный в 1897 г. Афанасием Поносовым⁸. В журнале «Вестник рыбопромышленности» за 1900 г. есть редкое и чрезвычайно ценное для исследователей описание усадьбы А. Поносова: «В полуверсте от самого хутора устроена мельница на 2 постава, от мельницы до хутора ведет хорошо устроенная дорога, по бокам которой распашанные и засеянные нивы, отгороженные изгородью. На опушке хутора двухэтажный деревянный дом архангельского типа, в котором помещаются кузница, бондарная, слесарная. Шагах в 300 от этого дома построен на каменном фундаменте прекраснейший двухэтажный городской дом, 12 сажен длины и 9 ширины; вблизи этого дома построен хлев на каменных столбах, какие некогда строились в помещичьих усадьбах, хлев — 18 сажен длины покрыт тесом; для лошадей и рогатого скота сделаны общие стойла, с приспособлением для дачи корма. В версте от каменного дома и в 50 шагах от берега бухты построен амбар в 2 этажа, где складывается всякого рода провизия»⁹. Сохраняя многоотраслевой характер хозяйства, «А. Поносов придает важное значение морским богатствам побережья и намерен серьезно заняться их эксплуатацией»¹⁰. Для рыбного промысла были приобретены 4 шаланды общей грузоподъемностью 6000 пудов, невод в 100 саженей, 3 сети в 30 аршин. От ближайшей реки до хутора был прорыт канал длиной в 700 сажен, стенки, дно выстланы деревянными плахами, на реке насыпана плотина со шлюзом. Пользуясь шлюзом и каналом, Поносов пропускал рыбу прямо к хутору¹¹. Об успехе хуторян в этом направлении хозяйства сообщал все тот же журнал «Вестник рыбопромышленности»: «В настоящее время, уже во всем Сучанском и За-Сучанском крае, а равно по Ольгинскому тракту вы всюду встретите селедку местного посола, а у Поносова и некоторых других вы получите и селедку копченую, а копченая местная селедка отличается таким вкусом, что, появляясь во Владивостокских гастрономических магазинах, она раскупается нарасхват»¹².

В горных таежных районах (р.Бикин, Тетюхе, Улунга) земель, пригодных для пашен, было немного, поэтому зерновые культуры крестьяне выращивали в основном для своих нужд. Зверовой промысел считался здесь главным средством к жизни не только для коренных народов, но и для русских переселенцев, в первую очередь для старообрядцев. Большинство заимок северного побережья — промысловые, охотничьи. Обилие, разнообразие промысловых животных способствовали этому. «За сезон промысла — 2—2,5 месяца 1 промышленник убивал от 500 до 600 белок, от 1 до 8 соболей, чаще 300—400 белок, 4—5 соболей»¹³. «В 25 верстах севернее р. Найны, по р.Амагу в 1900 г. поселилась 1 семья староверов из д.Петропавловки (р.Даубихе), вскоре появились новые переселенцы-старообрядцы, а в 1906 г. их было уже 11 семей»¹⁴. В 1905 г. 11 охотников староверов и 1 таза... «добыли 70 соболей на сумму 2800 рублей»¹⁵. Яков Назарович Новожилов вспоминает, что их хутор был основан в начале 20-х годов XX в. Занимался он сам исключительно охотой. Удавалось добыть за сезон 708 соболей, белок 50 штук, 3—4 выдры, 20 хорьков, 5 сохатых. Медведя не били, считали его самым дешевым, мясо в пищу не употребляли. Петр Савватеевич Чепкасов переехал на северное побережье в 1924 г., поселился на хуторе Старковка — охота в этих местах была лучше (ГАПК, ф.1588, д.ПУ-7048, т.1). В Южно-Уссурийском крае особое значение приобретает охота на изюбра, пятнистого оленя во время пантовки. Новые рога у изюбра начинают расти в марте и в 20-х числах мая достигают

зрелости. Они наполнены кровью, и вес их достигает 16 кг. У пятнистого оленя пантовка начинается с конца мая до конца августа. Этот вид промысла всегда приносил хорошие доходы. Охотник только на добыче пантов зарабатывал в среднем более 500 руб. за сезон.

Старообрядцы были первыми, кто начал на Дальнем Востоке заниматься культурным разведением пятнистых оленей «... в 1899 г. на «Сионском хуторе» имелось около 30 голов оленей... Насколько выгодна эта отрасль скотоводства, можно видеть из такого факта: в 1899 г. цена достигала до 600 руб. за пару рогов»¹⁶. В начале 20-х годов XX в. в нескольких километрах от с. Амгу на хуторе Бортниковых было создано крупное оленеводческое хозяйство, объединившее нескольких владельцев: Евстафий Бортников (стадо 30 голов), Иван Бортников (30 голов), Антон Нестеров (30 голов), Евтихий Шарыпов (8 голов), Илларион Попов (18 голов), китаец Лю Мин (6 голов). К сожалению, во время коллективизации хозяйство признали кулацким и уничтожили (ГАПК, ф.1588, д. ПУ-7048). Сегодня на бывшем хуторе остался лишь полуразрушенный дом и огромные поляны для выпаса оленей.

Жизнь на заимках, удаленных от постоянных поселений на большие расстояния, была далеко небезопасной вплоть до начала XX в. Основную опасность представляли хунхузы. В 1906 г. крестьяне-старообрядцы (р. Улахе, Даубихе) просят разрешить выдачу им винтовок системы Бердана для защиты от дикого зверя и китайцев (РГИА ДВ, ф.1, оп.5, д.2104, л.33). Крестьяне-старообрядцы хуторов Сионский и Новосионский в 1907 г., «ссылаясь на то, что в данное время в окрестностях их хуторов под видом охотников появились неизвестные вооруженные люди, обратились с просьбой разрешить им приобрести за деньги для самозащиты 10 винтовок Бердана и 1000 патронов к ним» (РГИА ДВ, ф.1, оп.5, д.2104, л.123). Самозащита от хунхузов всегда приветствовалась и поощрялась. В свое время владелец Южно-Уссурийского хутора Леонид Худяков был награжден военным генерал-губернатором Приморской области за успешное отражение банд хунхузов¹⁷. В этих же случаях просьбы исходили от старообрядцев, вооружать которых было с точки зрения властей небезопасно. Понадобились ходатайства, заступничество крестьянского начальника Холодцова, станowego пристава: «Продажа берданок крестьянскому населению не может быть использована последними ради каких-то противоправительственных целей, крестьянское население вполне спокойно и далеко от политики (РГИА ДВ, ф.1, оп.5, д.2104, л.33)», «местное население из числа благонамеренных людей вообще, а хуторяне в особенности» (РГИА ДВ, ф.1, оп.5, д.2104, л.123).

Одну из особенностей старообрядческой заимки отметил Н.Н. Покровский в связи с темой сибирского пустынножительства¹⁸. Он подчеркнул удивительную схожесть старообрядческой заимки и старообрядческого скита. Неожиданные глухие таежные места всегда притягивали к себе христианских подвижников, решивших уйти от мирских страстей и жить в уединении, молитве и трудах. Эти места служили также и укрытием для крестьян, солдат, бежавших от преследования властей по различным причинам. «Сильный — борись, слабый — беги» — лозунг довольно известный у старообрядцев, которые со времен раскола бежали в таежную глушь, неведомые земли от преследования официальных властей, церкви, а позднее от «антихристовых советских властей», коллективизации. «...В трудном деле первоначального освоения края крестьянский побег и традиции пустынножительства подчас тесно переплетались между собой»¹⁹. Сложно было заранее предугадать, чем станет при благоприятных условиях уединенное жилище: «традиционной крестьянской заимкой или не менее традиционной старообрядческой пустынь»²⁰.

Дело о выдворении скитожителя Мокея Баранова с Ольгинского участка Приморского переселенческого района может служить наиболее ярким примером²¹. В 1911 г. лесной стражей на р. Колумбе обнаружен некто Мокей Павлов Баранов, который объявил себя старообрядческим скитожителем. Донесения должностных лиц, посетивших Баранова, позволяют представить его жилище более или менее конкретно: скит состоял из 4-х изб, в которых жили 18

человек. Среди них — сыновья Мокея Баранова с семьями. Старообрядческие скиты всегда были подозрительны для официальных властей, так как чаще всего становились приютом для убогавших от преследований. Не однажды посылались к Баранову инспекторские проверки, т.к. по сведениям крестьян из соседних деревень, «... у Баранова в нынешнюю зиму жили 7 молодых человек, как видно, уклоняющихся от воинской повинности, и по приходе парохода эти 7 человек убежали через сопки в тайгу, а потом появлялись снова (РГИА ДВ, ф.1, оп.2, д.2478, л.112). Опасения властей были небезосновательны. Одним из скрывававшихся в скиту был Николай Маркович Сидоренко, по предположению властей, военный фельдшер, дезертир. В 1915 г. задержать его не удалось. В 1932 г. его фамилия вновь будет упоминаться в «Деле №229 о старообрядческой контрреволюционной организации и вооруженном восстании этой организации на северном побережье ДВК» (ГАПК, д. ПУ-7048), где он характеризуется уже как авторитетный старообрядческий начетчик, вместе с сыновьями М. Баранова проживающий на хуторе Барановых. За участие в восстании будет арестован и расстрелян.

Скит внешне выглядел как обычная крестьянская заимка. Он состоял из четырех изб, находившихся в 450 саженях от Японского моря с «обыкновенными крестьянскими постройками» (РГИА ДВ, ф.1, оп.2, д.2478, л.74). Старообрядческие пустыни, считает Н.Н. Покровский, можно назвать крестьянскими не только по социальному составу и тесной генетической связи с крестьянской заимкой, но и по характеру взаимоотношений с крестьянским населением²². В рапорте начальника Ольгинского уезда сообщалось, что «он (Баранов) ни хлебопашеством, ни скотоводством не занимается, по-видимому, живет хищнической добычей своих темных лиц» (РГИА ДВ, ф.1, оп.2, д.2478, л.89). В других донесениях упоминается о том, что молодые мужчины постоянно находятся на охоте за пушным зверем, занимаются собирательством. Как мы уже говорили, для земледелия северное побережье оказалось почти непригодно, да и заниматься распашкой было совсем небезопасно для скитожителей. Необходимые продукты питания пустынники получали от крестьян соседних селений в обмен на пушнину.

Трудно сказать, чем завершилось следствие по делу Баранова, так как архивные документы не дают на это ответа. Завершить расследование по этому делу мне удалось лишь в 1996 г. во время очередной экспедиции в Тернейский район, где я познакомилась с внучкой Мокея Баранова — Ксенией. Итак, официального выдворения пустынножителей не последовало, но в семье Барановых произошел внутрисемейный раскол на религиозной основе, и сыновья вместе с Н. Сидоренко уйдут с насиженного места на р. Бикин и создадут новый хутор Барановых. Мокей остался на р. Колумбе. Потеряв жену, детей, стал монахом-отшельником, устроив в одной из пещер келью. До самого ареста он продолжал зарабатывать себе на жизнь кузнечным ремеслом. В 1932 г. был арестован, привезен во Владивостокскую тюрьму. Ослабевшего от голода его выбросили под ворота изолятора, где он и умер (Полевой дневник ПГОМ №12/1996, с.61). Новый хутор Барановых превратился в крупный религиозный центр, и вскоре недалеко от хуторов было основано 2 монастыря — мужской и женский. Возглавил мужской монастырь отец Савватей. По воспоминаниям Ксении Барановой, детей хутора постоянно посылали родители с продуктовыми передачами для монахинь, крестьяне отвозили продукты на подводах.

На старообрядческих заимках уже после революции скрывались беглые офицеры. Так, Николай Медолович, дворянин, бывший белый офицер прятался на различных хуторах северного побережья с 1924 по 1932 г. (хутора Новожиловых, Барановых). С началом коллективизации старообрядцы, по-своему выражая протест, уходили на заимки, которые оставались еще некоторое время местом, где можно было вести единоличное хозяйство, и скрыться от «антихристовых властей». Иван Владимирович Токарев проживал в Кхучине, имел неплохое хозяйство. В 1930 г. с организацией колхозов перебрался на хутор, купив лес у М. Куликова (ГАПК. ф.1588, д.ПУ-7048, л.278). Кирилл Давыдов долгое время жил в Кхучине, затем в п. Нижняя Пея. В 1931 г. приехал ин-

структор и предупредил, что выселит его из деревни как кулака. Давыдов решил бежать за перевал, жил некоторое время на хуторе Новожиловых.

Итак, в статье предпринята попытка обобщения материала по заимочному хозяйству у крестьян-старообрядцев юга Дальнего Востока. Понятие «заимка» с течением времени менялось. В условиях колонизации Дальнего Востока заимки явились наиболее оптимальным вариантом русских поселений, они давали возможность хозяйственного эксперимента в новых условиях, адаптации к этим условиям. Хозяйственной ориентации заимок, хуторов способствовали природные условия. При комплексном ведении заимочного хозяйства одно из направлений выделялось как главное, приносящее основной доход (пашенное, пасечное, оленеводческое, охотничье, рыболовецкое направления). Дальневосточную старообрядческую заимку, как и сибирскую, отличает удивительная схожесть ее со старообрядческим скитом.

¹ Приамурье: Факты, цифры, наблюдения. М., 1909. С.110.

² Липинская В.А. Заимки Западной Сибири кон. XIX в. как сезонные поселения: Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX в. М., 1979; Мамсик Т.С. Сибирская крестьянская заимка в дореформенный период: Земледельческое и промышленное освоение Сибири XVII—начала XX в. Новосибирск, 1985. Осипов Ю.Н. Один из первых опытов фермерского хозяйства в дореволюционном Приморье //Вестн. ДВО РАН. 1995, №5.

³ Липинская В.А. Местные особенности традиционных поселений, жилища, хозяйственных строений и возможности их учета и использования в современном строительстве (по материалам Сибири): Русские народные традиции и современность. М., 1995.

⁴ Арсеньев В.К. Сочинения. Владивосток, 1948.

⁵ Михайлов Г.П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края //Сиб. вопросы. 1905. №1. С.247—258.

⁶ Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск-Владивосток, 1928. С.7.

⁷ Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей //Зап. Приамур. отд. Императорского Русского географического общества, т.2, вып.2. М., 1896. С.54.

⁸ В настоящее время существует две версии об основании хутора Новосионский. По одной из них Новосионский был основан Афанасием Поносовым в 1897 г. По другой (Позняк С.В. Загадка Поносовых: На пути к разрешению. Известия РГИА ДВ, т.3. Владивосток, 1998, ф.90—94) х. Новосионский был основан Семеном Яковлевичем Поносовым, предположительно в 1907 г. Имя А. Поносова, по мнению автора этой версии, связано с какими-то устными преданиями или источниками, проверить которые пока невозможно.

⁹ Вестн. рыбной промышленности. СПб., 1900. №11. с.570—571.

¹⁰ Там же. С.571.

¹¹ Бянкин В.П. В дальневосточных морях. Владивосток, 1981. С.61—62.

¹² Вестн. рыбной промышленности. СПб., 1900. №11. С.572.

¹³ Рубинский В.И. Солиный промысел на Дальнем Востоке //Тр. Амурской экспедиции. Вып.13. СПб., 1911. С.37.

¹⁴ Там же. С.38.

¹⁵ Там же. С.40.

¹⁶ Михайлов Г.П. Староверы как колонизаторы Уссурийского края //Сиб. вопросы. 1905. №1. С.257.

¹⁷ Осипов Ю.Н. Один из первых опытов фермерского хозяйства в дореволюционном Приморье // Вестн. ДВО РАН, 1995. №5. С.119.

¹⁸ Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVII в.: Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975.

¹⁹ Там же. С.31.

²⁰ Там же. С.29.

²¹ Кобко В.В. К истории пустынножительства на северном побережье Приморья //Вестн. ДВО РАН. 1996. №5. С.122—129.

²² Покровский Н.Н. Указ. соч.

SUMMARY. The author of the article «Squattings of Peasants-Old-Believers» Vera Kobko tried to generalize materials on small settlements' economy of peasants — old-believers of the south of the Far East. The notion «squattings» changed its meaning in time. In conditions of colonization of the Far East «squattings» were the most optimum type of Russian settlements and type of economy which as a rule was complex with one direction being marked out as much profitable.